

ПОСЛЕ ОПРИЧНИНЫ

После издания осенью 1572 года царского указа об отмене опричнины в жизни русского общества произошли значительные перемены. Соединились в одно целое земский и опричный дворы, стали служить вместе в одних полках, под командованием одних воевод дети боярские из земских и опричных уездов. Прекратились принудительные переселения и массовые убийства без суда и следствия. Одна часть населения не имела теперь каких-либо особых преимуществ перед другой.

У Штадена, оставившего наиболее подробные сведения о том, как происходила отмена опричнины, читаем очень важное свидетельство: «...Опричники должны были возратить земским их вотчины. И все земские, кто еще оставался в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками». Известны и отдельные документы, подтверждающие сообщение Штадена. Так, переславские вотчинники Таратины, передавая в монастырь свое село Селиваново, отметили в данной грамоте: «Нас государь пожаловал, велел нам тое вотчину отдати в 80-м (то есть в 1572-м. — *Б.Ф.*) году». Из этого как будто можно сделать вывод, что после отмены опричнины произошла почти полная реставрация старых доопричных отношений: все люди, утратившие во время опричных переселений свою родовую собственность, если они не стали жертвами репрессий, смогли получить ее назад. Однако уже такой глубокий знаток эпохи, как С. Б. Веселовский, предостерегал против того, чтобы понимать эти сообщения буквально. Можно не сомневаться, что власть объявила о возможности возврата вотчин к их бывшим владельцам. В отдельных случаях этого удалось добиться, но в целом осуществить подобную меру в масштабах всего государства было делом достаточно долгим и сложным. Сам Штаден обратил внимание на одно серьезное препятствие, возникавшее при этом, отметив, что «опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья». Таким образом, прежде чем вернуть земли их бывшим владельцам, следовало обеспечить новых владельцев, а это было весьма затруднительно. К тому же, как мы увидим дальше, на такие хлопоты история отвела бывшим владельцам довольно короткий промежуток времени — всего около трех лет. Недавно петербургский исследователь А. П. Павлов собрал и проанализировал сведения писцовых книг первой половины XVII века о родовых вотчинах, которые в это время находились в руках ростовских и ярославских князей. Исследование показало, что это были жалкие остатки тех земельных владений, которые принадлежали этим княжеским родам до опричнины. Таким образом, есть основания полагать, что перемены в судьбах родового землевладения и титулованных князей, и обычных детей боярских, происшедшие в годы опричнины, в очень значительной части оказались

необратимыми и в этом отношении реставрации доопричных порядков не произошло.

Как бы то ни было, очень большая часть населения страны после отмены опричнины смогла вздохнуть с облегчением, и в отношениях между представителями разных общественных групп появилась долгожданная стабильность. Все это, однако, не касалось отношений между царем и его окружением. Здесь картина мало отличалась от той, которую можно было наблюдать в последние годы опричнины. Людей, которых осыпали царскими милостями, завтра ожидала казнь или ссылка. Щедрых пожалований после победы над татарами удостоился командующий войском князь Михаил Иванович Воротынский: царь вернул ему родовую вотчину — город Перемышль, который сам отобрал у воротынских князей в 1563 году, а в следующем году включил в свой опричный удел. Весной 1573 года Воротынский снова был назначен командующим армией, стоявшей на Оке против крымских татар, однако его служба еще не успела закончиться, как царь «положил на князь Михаила Воротынского свою государеву опалу и велел государь с службы из Серпухова князь Михайла взять к Москве». Здесь, согласно записи «Разрядных книг», он был «казнен смертью».

Воротынский был государственным деятелем еще доопричных лет и неоднократно навлек на себя немилость царя. Однако подобный трагический финал мог стать уделом и молодого человека, только начинавшего свою карьеру в последние годы опричнины. Примером служит карьера молодого аристократа из рода стародубских князей князя Бориса Давыдовича Тулупова. Борис Давыдович начал свою службу «головой» в царском полку в 1570 году. В январе 1572 года во время походов на шведов он «ездил с самопалы с государем». Тогда же ему было дано важное поручение — отвезти в любимую обитель царя, Кириллов монастырь, огромный денежный вклад — 2000 рублей. Летом 1572 года во время пребывания царя в Новгороде Тулупов выдал свою сестру замуж за царского шурина Григория Колтовского и так породнился с царской семьей. В 1573 году он уже упоминается как «дворянин ближней думы», а в следующем 1574 году был пожалован в окольничие. Тогда же он стал принимать участие в важных переговорах с иностранными послами. Для человека, принадлежавшего к второстепенной отрасли знатного рода, это была блестящая и быстрая карьера. Современник — англичанин Горсей — называет его «большим фаворитом» царя. Однако летом следующего, 1575 года он был «уличен в заговоре против царя» и по приказу Ивана IV посажен на кол.

Характерная для этих лет нестабильность нашла свое выражение и в быстрых переменах в семейной жизни царя. Вступив в апреле 1572 года в брак с Анной Колтовской, Иван IV, не прожив с ней и двух лет, отправил ее в монастырь и в начале 1575 года взял себе другую жену — Анну Васильчикову, происходившую из семьи кашир-

ских детей боярских. Все эти перемены отражались на судьбах новых царских родственников. За внезапным возвышением по милости царя и получением высоких чинов следовали столь же внезапные опалы и казни. Примером может служить судьба таких царских родственников, как Собакины, принадлежавшие к младшей отрасли тверского боярского рода. Когда царь в октябре 1571 года отпраздновал свой брак с Марфой, отец жены, Василий Степанович Собакин, был пожалован боярским саном, дядя, Василий Меньшой, стал окольничим, двоюродный брат царицы, Каллист, — царским кравчим, другой сын Василия Меньшого, Семен, — царским стольником. Однако не прошло и двух лет, как Каллист и Семен Собакины были обвинены в том, что «хотели чародейством извести» царя и его детей, и были казнены вместе со своим отцом. Позднее сходная судьба постигла и родственников царицы Анны Колтовской.

Осложнились отношения царя и с ближайшими к нему духовными лицами. Круг этих лиц для последних лет опричнины вырисовывается достаточно определенно. Среди них первое место занимал Феодосий Вятка, бывший архимандрит Андроникова монастыря, оказавший важные услуги царю в деле митрополита Филиппа и ставший после этого настоятелем первой русской обители — Троице-Сергиева монастыря. Вместе с царем Феодосий Вятка находился в Новгороде тревожным летом 1572 года.

Исследователи давно указывали на особо тесные связи, существовавшие между такой важной подмосковной обителью, как Симонов монастырь, и опричным режимом. В 1569 году монастырь был взят в опричину «со всею вотчиною». «Человеком» царя был и настоятель обители Иов. Именно по желанию царя молодого монаха сначала поставили архимандритом Успенского монастыря в Старице, а затем перевели оттуда в Симонов монастырь. Настоятеля ждала в будущем блестящая церковная карьера — в 1589 году он стал первым русским патриархом, но начало карьеры было положено в последние годы опричнины. Иов сопровождал царя в его поездках в Новгород в декабре 1571 и в мае 1572 года. Старые связи царя с братией Чудова монастыря сохранялись и после смерти пользовавшегося симпатией Ивана IV архимандрита Левкия. Именно его преемника, архимандрита Леонида, царь возвел на одну из важнейших кафедр московской митрополии, сделав архиепископом Новгородским после низложения Пимена. Новый настоятель обители Евфимий также оказался в окружении царя.

Круг этих людей и в последующие годы оставался прежним, но отношение к ним царя изменилось. В Симоновом монастыре по-прежнему оставался настоятелем Иов, но в послании в Кирилло-Белозерский монастырь, написанном в начале 1573 года, царь говорил как о чем-то общеизвестном, что на «Симонове кроме сокровенных раб Божиих точию одеянием иноцы, а мирская все совер-

шаются». Еще более резко и пренебрежительно отзывался царь о самой почитаемой русской обители: «У Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел: ни пострижется ни кто и не даст ни кто ничего».

Осложнились отношения царя и с той обителью, где в годы опричнины он мечтал найти себе отдых и забвение, — с Кирилло-Белозерским монастырем. О событиях в монастыре, которые нанесли удар по этим надеждам царя, мы узнаем из его послания, отправленного им кирилловской братии в сентябре 1573 года. Непорядки в монастыре, по словам царя, начались 7 июня 1571 года, когда здесь постригся под именем Ионы боярин Иван Васильевич Шереметев Большой. Иван Васильевич давно не пользовался расположением царя, еще до установления опричнины ему пришлось побывать в тюрьме, и, возможно, постригаясь в далекой северной обители, он хотел избежать царской опалы и иных еще более серьезных неприятностей. Как бы то ни было, в дальнейшем старец Иона не проявил желания подчиняться суровым тяготам иноческой жизни. За монастырем поставили двор, куда боярину привозили запасы из его вотчин, построена была и «поварня», чтобы готовить ему пищу. По сведениям, которые поступали к царю от разных информаторов, образ жизни не желавшего ни в чем отказывать себе боярина стал оказывать разлагающее воздействие на монастырскую братию: в келью к Шереметеву приходят монахи и «едят да пьют, что в миру, а Шереметев нивести с свадьбы, нивести с родин розсылает по келиям пастилы, ковришки и иныя пряныя составныя овощи», «а инии глаголют будто, де, вино горячее потихоньку в келию к Шереметеву приносили». Власти монастыря, судя по всему, смотрели на поведение боярина и монахов сквозь пальцы, и, возможно, царь так и не узнал бы о том, что происходит в обители, если бы не ссора между Шереметевым и другим высокопоставленным монахом — тестем царя Василием Степановичем Собакиным, принявшим иночество с именем Варлаама.

Постриг Собакина, как можно заключить, не был следствием опалы. Наоборот, избрание царем в качестве его местопребывания любимой своей обители, куда Собакин и отправился как авторитетный, близкий к царю человек, стало проявлением особой милости. Из послания неясно, из-за чего началась ссора между Собакиным и Шереметевым; некоторые монахи говорили, что они были врагами еще в мирской жизни. В происшедшем конфликте монастырская братия приняла сторону Шереметева. Находившиеся в окружении царя племянники Собакина, Каллист и его братья, пожаловались на «утеснение великое», которое их дядя терпит от монастырской братии из-за Шереметева. Все это происходило осенью 1572 года.

Царь решил вызвать к себе инок Варлаама, но дело задержалось из-за того, что зимой 1573 года царь отправился в поход в шведскую

Ливонию. По-видимому, лишь весной он отдал соответствующее распоряжение, и один из монастырских старцев доставил Варлаама Собакина к царю. Царь был уязвлен тем, что братия не отнеслась с вниманием к человеку, которого он сам прислал в монастырь, но монастырской братии помогло то, что к этому времени уже были казнены обвиненные в «чародействе» племянники Собакина. Да и сам старец Варлаам в разговоре с царем показал себя как человек, далекий от монастырских обычаев, мирянин в рясе, подобно Шереметеву. «Бесов сын» Собакин утратил расположение царя, но непорядки в обители были налицо, и царь «своим словом» приказал, чтобы впредь Шереметев питался в трапезе вместе с братией. Ободренная опалой Собакина братия стала ходатайствовать за Шереметева, ссылаясь на его болезнь. Новое неповиновение вызвало гнев царя, и он взялся за перо.

В своем послании братии Кирилло-Белозерского монастыря, как и в ряде других, вышедших из-под его пера текстов, царь выступает в разных обликах. В пространной вступительной части послания, как и в начальных разделах написанного незадолго до этого завещания, царь предстает смиренным грешником, носителем самых разных пороков, который поэтому вряд ли может кого-либо учить и наставлять. «А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати, и чем просветити. Сам повсегда в пьянстве, в блуде, в прелюбодействе, во скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе». Ему самому подобает «просвещатися» от тех, кто является «светом» для «мирских людей»: «свет инокам — ангели, свет же миряном — иноки».

По контрасту с такой преамбулой тем более сильное воздействие на читателя оказывают последующие разделы послания, в которых царь выступает в роли сурового наставника. Цитируя церковные установления, приводя многочисленные истории из жизни святых подвижников христианского Востока и самой Руси, дополняя их собственными наблюдениями над жизнью русских обителей, он назидает братию, как следует строго блюсти предание — «устав» чудотворца Кирилла, ибо самые малые послабления могут привести к упадку иноческой жизни. Главная опасность грозит устоям монашеской жизни на Руси от «любострастных» — то есть бояр, которые «свои любострастные уставы и ввели» и тем привели к упадку уже многие и даже знаменитые обители («ныне бояре по всем монастырем то испразднили своим любострастием»). Теперь же старец Иона Шереметев «тщится погубити последнее светило, равно с солнцем сияющее и душам совершенное пристанище спасения, в Кирилловом монастыре, в самой пустыни, постническое житие искоренити». Как видим, отмена опричнины не изменила отношения царя к боярам. Иван IV по-прежнему видел в них источник всякого зла.

Царь решительно настаивал на том, что в идеальном сообществе монахов не должно быть никаких различий, вызванных их прежним

Иван Грозный. Надгробный образ (копенгагенский портрет).
XVII (?) в.

Русские всадники в 40-е гг. XVI в.
Гравюра из книги Сигизмунда
Герберштейна «Записки о Московии».

Шлем Ивана Грозного.

Развалины орденского замка в Вильянди (Феллине). *Конец XIII в.*

Дьяк. Гравюра XVI в.

Изображение опричника на поддоне подсвечника XVII в. из Александровой слободы.

Предполагаемое
изображение
княгини
Евфросинии
Старицкой.
Фрагмент
плащаницы
«Положение во
гроб». Вклад
Старицких в
Кирилло-
Белозерский
монастырь. 1565 г.

Казни Ивана
Грозного. Гравюра
из немецкой книги
«Разговоры в
царстве мертвых».
1725 г.

▲ Александрова
слобода.
Гравюра XVI в.

Митрополит Филипп Колычев. Миниатюра XVII в.

Нареженной нуми прополарю (оно пету
скохнгу мензфнанппзрхуполаожи

Иван Грозный. Западно-европейская гравюра на дереве. XVI в.

◀ Автограф митрополита Филиппа на приговоре Освященного собора об избрании его митрополитом и о его невмешательстве в дела опричнины. 20 июля 1566 г.

Король Сигизмунд-Август.
Гравюра 1554 г.

Стефан Баторий, воевода
Семиградский. С гравюры 1576 г.

Русское посольство в Регенсбурге, у императора Максимилиана II.
1576 г. Гравюра XVI в. Фрагмент.

Елизавета I, королева Англии.
Около 1588 г.

Послание Ивана Грозного
Елизавете Английской. 1570 г.

Иван Грозный.
Портрет из немецкого
летучего листка. XVI в.

Большая государственная печать Ивана IV.
Изображение и прорись.

Евангелие 1571 г.
Вклад Ивана Грозного
в Благовещенский собор.

План Новгорода Великого в XVI в. Перерисовка с иконы.

Богемский кубок синего стекла из гробницы Ивана Грозного. XVI в.

Заздравная чаша. Вклад Ивана Грозного в Троицкий монастырь.

Цесис (Кесь). Замок магистра Ливонского ордена.

Монашеская ряса
Ивана Грозного.

Взятие Нарвы шведами в 1580 г. Фрагмент надгробия
П. Делагарди из собора Девы Марии в Таллине. 1589—1595 гг.

Иван Грозный.
Портрет
из «Титулярника».
1672 г.

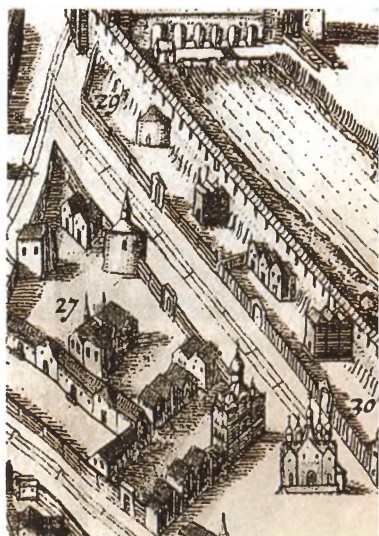
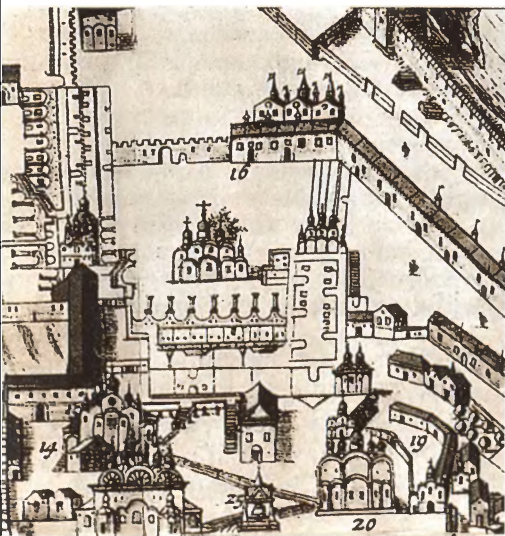
Моление царя Ивана
Грозного с сыновьями
Федором и Дмитрием
пред иконой
Владимирской Божией
Матери. Икона.

Царь Федор Иванович.
Парсуна. XVII в.

Фрагмент плана «Кремлена-града». Конец XVI — начало XVII в.
С л е в а: Царский двор (16), Патриарший двор (19), Успенский собор (20), Казна (14). С п р а в а: дворы Бельского (27), С. Н. Годунова (29), Д. Н. Годунова (30).

Иван Грозный. Скульптурный портрет М. М. Антокольского.

положением в «миру». Обитель не сможет верно следовать «преданию», «только пострижением вражды мирские не разрушити». «Ино то ли путь к спасению, что в черныцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет?» «Ведь коли ровно, ино то и братство, а коли не ровно, которому братству быти, ино то иноческаго жития нет!»

«Рыболов Петр и поселянин Богослов», писал он монахам, будут судить на Страшном Суде и Давида, и Соломона, и «всем сильным царем, обладавшим вселенною». Указывал царь монахам и на примеры высокопоставленных светских людей, которые, отрекшись от мира, явили пример совершенной иноческой жизни: Иоасафа, сына индийского царя, который «ризы царския премени власяницею и многия напасти претерпе», Саввы Сербского, который ради иноческой жизни «царство и с вельможами остави», князя Николы Святоши, который «предержавый великое княжение Киевское» отрекся от мира и много лет был простым привратником в Киево-Печерском монастыре.

Царь призывал братию монастыря быть непоколебимо твердой в защите монастырского предания — «усердно последствовати великому чудотворцу Кириллу и предания его крепко держати и не быти бегуном, пометая щит и ини». В пример монахам царь ставил Иоанна Златоуста, который «пострада за обидящих», выступая против «лихоимания» византийской императрицы. «И аще святой, — писал царь, — о малых сих вещех сице страдаху, кольми паче, господие мои и отци, вам подобает о чудотворцове предании пострадати». (Перед монахами был близкий пример того, что случается с человеком, который, следуя Златоусту, заступился за обиженных, — митрополит Филипп, но вряд ли они могли указать на это своему царственному корреспонденту.)

В тексте послания ясно вырисовываются причины интереса царя к высокому идеалу монашеской жизни в том ее варианте, который воплотился в жизни общежитийной обители. Такая идеальная обитель рисовалась ему как сообщество людей, не знающих смут и конфликтов, тесно связанных между собой общим образом жизни и духовной близостью. Отступления от этого идеала, очевидные в жизни современных ему монастырей, вызывали у царя острое возмущение. Но он настойчиво рекомендовал лишь один рецепт лечения от болезни — полное беспрекословное подчинение авторитету «предания», оставленного братии основателем обители, и недопустимость малейших отступлений от него. Решающей при этом оказывалась воля настоятеля, который должен был добиться от братии подчинения этому авторитету. Царь писал кирилловским монахам о своих наблюдениях над жизнью кремлевской обители — Чудова монастыря: «Быша архимандрити: Иона, Исак Собака, Михайло, Васиян Глазатой, Аврамей — при всех сих яко един от убогих бысть монастырей. При

Левкий же како сравняся всяким благочинием с великими обители и духовным жителством мало чим отстоя. Смотрите же, слабость ли утверждает или крепость?»

Так в рассуждениях о сохранении идеала монашеской жизни обнаруживаются характерные для взглядов царя представления о взаимоотношениях между обществом и властью.

Подобно другим большим текстам, вышедшим из-под пера царя, это послание отличается большим стилистическим многообразием. Часть наставлений, в особенности те, где говорится о древних подвижниках, выдержана в строгом торжественном стиле, последовательно воспроизводит нормы «книжного» литературного языка. Там же, где речь идет о собственных наблюдениях царя над жизнью монастырей, автор переходит на живой, разговорный язык, не гнушаясь ярких и сочных выражений. «А на Сторожех (в Савво-Сторожевском монастыре. — *Б.Ф.*) до чего допили? Тово и затворити монастыря некому, по трапезе трава растет».

Нарушения монастырского «предания» — главная, но не единственная тема послания. Царь сурово выговаривает монахам за невнимание к его «слову», неуважение к его распоряжениям. Варлаам Собакин, конечно, плохой монах, который подобно Шереметеву «хочет жити и чести по тому же, как в миру», вообще «мужик очюнной, врет и сам себе не ведает что», но Собакин «приехал с моим словом, и вы его не поберегли», «ано было пригоже нашего для слова и нас для его дурости и покрыти». Для монахов Шереметев значит больше, чем царское слово. «Другой на вас Селивестр наскочил», — припомнил царь ненавистного ему ныне бывшего наставника, который также относился к его распоряжениям без должного почтения.

Царь не был бы самим собой, если бы в столь большом литературном тексте не выступил перед читателем в еще одном обличье — злого насмешника. Здесь, впрочем, эта насмешка имеет особое назначение, она должна показать братии все неприличие ее поведения. Если для братии важно бывшее светское положение монаха, то Шереметев должен быть для нее гораздо авторитетнее Кирилла Белозерского: «А Кирилла вам своего тогды как с Шереметевым поставити — которого выше? Шереметев постригся из боярства, а Кирилло и в приказе у государя не был!» (Кирилл Белозерский в молодости был слугой своего родственника, окольничего Тимофея Вельяминова.)

Вместе с тем в послании обнаруживаются такие эмоциональные интонации, которые мы не встречали в более ранних текстах, исходивших от царя. Как и ранее, царь уверен в своем обладании истинной и своем праве всех поучать и наставлять, но уже совсем не так очевидна его воля, желание заставить монахов этим наставлениям следовать. В конечной части послания, после целой череды резких и категорических утверждений, с некоторым удивлением читаем: «Как лутче, таки и делайте! Сами ведаете, как себе с ним (Шереме-

тевым. — *Б.Ф.*) хотите, а мне до того ни до чего дела нет!» Царь требует не столько повиновения своим наставлениям, сколько того, чтобы монахи оставили его в покое и больше не занимали его внимания ссорами в своей обители: «А вперед бы есте о Шереметеве и о иных о безлепцах нам не докучали»; «но доколе молвы и смущения, доколе плища и мятежа, доколе рети и шептания и суесловия». В этих словах отражались не только усталость человека, измученного интригами в своем окружении, но и разочарование в надежде когда-нибудь найти себе мир и покой в стенах Кирилловской обители. «И только нам благоволит Бог у вас постришися, — писал царь, обращаясь к кирилловским монахам, — ино то всему царскому двору у вас быти, а монастыря уже и не будет». В последующие годы царь не оставил обитель своими милостями, но хлопоты, связанные с устройством в ней царской кельи, прекратились. Внимание царской семьи стали теперь привлекать обители, расположенные еще дальше на север, чем Кириллов, в которых монахи подвизались в еще более трудных и суровых природных условиях — такие, например, как Антониев Сийский монастырь, расположенный на одном из притоков Северной Двины, но о пострижении в них царь больше не думал. Так царю Ивану пришлось проститься с еще одной иллюзией.

В первые годы после опричнины осложнились отношения царя с еще одной группой его особо близких и доверенных слуг, игравших с течением времени все большую роль в управлении страной, — думными дворянами.

Дума предшественников царя, его отца и деда, такого чина не знала. «Думцами» — советниками великого князя могли быть только бояре и окольничие, принадлежавшие к наиболее знатным княжеским и боярским родам. Лишь изредка по решению великого князя в работе Думы мог принимать участие какой-либо сын боярский, в советах которого великий князь особенно нуждался, но который по худородству не мог получить думного чина. Такими «детьми боярскими», допущенными в Думу, были, например, любимец Василия III, незнатный тверской вотчинник Иван Юрьевич Шигона-Поджогин, а во дни молодости царя Ивана — Алексей Адашев.

Когда царь с начала 60-х годов XVI века перешел к политике ослабления влияния знати, положение изменилось. В условиях опалы и казней размеры Боярской думы сильно сократились: в 1564 году в Думу входило 34 боярина, в 1572 году, после отмены опричнины, — 18. Одновременно в годы опричнины появилась целая группа «думных дворян», вошедшая в состав опричной Думы. Одним из этих дворян, Романа Алферьева, царь даже сделал печатником — хранителем государственной печати. Таким образом, царь смог привлечь к управлению страной и принятию важных политических решений тех своих близких слуг, которые завоевали его доверие, но из-за своего

низкого происхождения не могли претендовать на думные чины. С отменой опричнины новый чин не был ликвидирован и опричные думные дворяне вошли теперь в состав уже единой Боярской думы. Среди этих думных дворян главной фигурой к концу опричнины стал печально знаменитый Малюта Скуратов — Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский. Пример его карьеры показывает, какого высокого положения мог в эти годы достичь незнатный и небогатый сын боярский.

В середине XVI века Малюта был рядовым сыном боярским, служившим в «государеве дворе» по городу Белой (отсюда, очевидно, и его прозвище — Бельский). В окрестностях этого города на Смоленщине получали поместья младшие отпрыски обедневших дворянских фамилий. Среди детей боярских, служивших по Белой, Малюта не занимал особо видного положения: в соответствующем перечне имена его и его братьев читаются в середине списка; в число тысячи лучших слуг, выбранных в 1550 году для несения службы в окружении государя в Москве, Малюта и его братья не попали.

Первая ступенька в его карьере была связана со вступлением в опричнину и получением должности пономаря в опричном братстве. Должность была невысокая, но Малюта уже попал в круг людей, лично известных царю. В первые годы опричнины сколько-нибудь заметной роли Малюта не играл, но когда по приказу царя начались массовые казни и погромы, началось и возвышение Малюты. Он активно участвовал во всех погромах и казнях (отчасти об этом уже говорилось в предшествующих главах книги). Известия об этом многочисленны и красноречивы; стоит отметить, например, что именно Малюта начал публично казнить изменников на Красной площади 25 июля 1570 года. Нет сомнений, что именно эти доказательства преданности снискали Малюте доверие царя и стали причиной его возвышения. В народную память Малюта Скуратов и вошел как главный царский палач. Так, в народной песне об Иване Грозном и сыне именно он доносит на царевича, будто тот проявляет милосердие к изменникам, а затем берется выполнить вынесенный царем смертный приговор.

Малюта завоевал полное доверие царя. В то время как начиная с 1570 года многие опричники, приближенные царя, впали в немилость или даже были казнены, Малюта продолжал уверенно двигаться вверх по лестнице чинов. В 1570 году он вошел в число думных дворян, хотя и занял среди них последнее место, а уже осенью следующего, 1571 года на свадьбе царя с Марфой Собакиной Малюта был «дружкой» царицы, а его жена Марья — царицой «свахой». Когда весной 1572 года царь предпринял поход против шведов, Малюта участвовал в походе в качестве «дворового воеводы» и возглавлял царский полк вместе с потомком Гедимины князем Федором Михайловичем Трубецким. Вознести выше обычного сына боярского было уже просто не-

возможно. Царь поручал Малюте вести и важные переговоры с послами иностранных государств.

Малюта погиб в начале 1573 года при взятии крепости Пайде в Ливонии. Он был похоронен в Иосифо-Волоколамском монастыре, и царь «дал по холопе своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове» большой вклад — 150 рублей, больше, чем по своему брату Юрию и жене Марфе. Штаден записал о Малюте, что «по указу великого князя его поминают в церквах и до днесь».

Другим видным лицом среди думных дворян царя был Василий Грязной. Он принадлежал к старому роду ростовских бояр, но это не обеспечило ему особо высокого места на лестнице сословной иерархии: бояре, служившие местным ростовским князьям, стояли ниже тех, кто служил великим князьям и удельным князьям московского дома. Его род, конечно, был гораздо более «честным», чем род Малюты. Двоюродный брат Василия Грязного, Василий Ошанин, в 1550 году попал в число «лучших» слуг. Однако у самого Грязного шансы на карьеру были не очень высокими. При выделении в 1519 году удела пятому сыну Ивана III, Андрею, отец Василия Григорий пошел на службу к этому князю, получив у него землю в Алексинском уезде. Сын его, судя по всему, также служил сыну этого князя — Владимиру Андреевичу Старицкому. Позднее царь насмешливо советовал Грязному вспомнить «свое величество и отца своего в Олексине» и напоминал, что у одного из бояр старицкого князя тот был «мало что не в охотниках с собаками».

Служба в старицком дворе служила не лучшей рекомендацией для человека, желавшего делать карьеру в опрочинине. Возможно, помогла протекция. По свидетельству Таубе и Крузе, двоюродный брат Василия, Григорий Грязной, был у царя Ивана «спальником... который всегда одевал и раздевал его». Как и Малюта в опричном дворе, Василий был поначалу на вторых ролях и стал возвышаться, когда начался массовый террор. Вместе с Малютой он принудил принять яд своего бывшего государя — князя Владимира Андреевича. Вместе с Малютой в 1570 году он вошел в число думных дворян и вместе с ним участвовал в походе под Пайде, где при взятии крепости был послан в «пролом», но остался жив. От царя Василий Григорьевич получил поместья в целом ряде опричных уездов, а после отмены опричнины — большие владения в Шелонской пятине. Хотя Грязной и не достиг такого высокого положения, как Малюта, он, без сомнений, принадлежал к тому узкому кругу доверенных слуг, которых царь возвысил и привлек к участию в управлении государством.

Весной 1573 года Василий Грязной был послан воеводой в южную крепость Данков и во время разведки в степи попал в плен к татарам. Когда в Крыму узнали, что в плену находится близкий приближенный самого царя, хан потребовал за него выкуп в 100 тысяч рублей или предложил обменять его на главу рода Мангитов Дивей-мурзу,

попавшего в русский плен после битвы при Молодях. Грязной решился написать об этих предложениях в Москву.

Тогда царь взялся за перо. Письмо, написанное им своему думному дворянину, проливает свет на его отношение к этим возвысившимся в годы опричнины людям. Сам Грязной позднее писал, что царское письмо «писано жестоко и милостиво». Милость заключалась в том, что Иван Васильевич велел дать за Грязного 2 тысячи рублей выкупа. Это была большая сумма, особенно, если учесть, что в 1570 году за сыновей Темрюка — царских родственников, оказавшихся в татарском плену, царь давал всего полторы тысячи рублей. О согласии царя выплатить такой выкуп сообщили крымским гонцам в Москве его советники, боярин Василий Умной Колычев и дьяк Андрей Щелкалов. Если выкуп был выплачен не сразу, а лишь в марте 1577 года, то тому причиной были проволочки крымских вельмож и их попытки получить еще больше. Но этим знаки милости со стороны царя не ограничились. Отправленный в Крым гонец Иван Мясо-едов должен был сообщить Грязному, «что сына его государь пожаловал поместьем и денежным жалованьем велел устроить». Таким образом, царь не оставил своей милостью попавшего в беду слугу.

Вместе с тем письмо царя было и «жестоко». То, что Грязной называл себя в Крыму «великим человеком» и счел себя достойным обмена на одного из наиболее видных крымских вельмож Дивей-мурзу, вызвало недовольство царя, который нашел нужным жестко указать слуге на его место. Дивей-мурза — знатный вельможа, за его сына хан выдал свою дочь, «а ногойский князь и мурзы ему все братья». «Ровня» Дивею — такие большие вельможи, как знаменитый воевода, член тверского княжеского рода и владелец больших родовых вотчин в Тверском уезде князь Семен Иванович Микулинский или дядя царя князь Михаил Васильевич Глинский, «а у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася». Грязному следовало бы вспомнить «свое величество и отца своего в Алексине» (иронический отклик на слова Грязного, что он у царя «великий человек»). Царь не отрицает, что Грязной «у него в приближение был», но достиг он этого положения не по своему происхождению и достоинствам, а по царской милости, вызванной особыми обстоятельствами: «по грехам моим учинилось, — писал царь, — что отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды». «Князи и бояре», хотя подчас и «изменяют», занимают в обществе подобающее им положение, а возвышенные царем «страдники» (слово это, производное от «страда» — работа, обозначало в языке того времени человека, занятого работой в барском хозяйстве) всем обязаны царской милости и должны об этом помнить.

Хотя по своему положению в опричнине Грязной должен был, конечно, входить в опричное братство, ни в тексте письма, ни в тексте ответа Грязного нельзя найти никаких намеков на существование ка-

кой-либо особой духовной связи между царем и его опричником. Перед нами еще одно доказательство того, что с концом опричнины был положен конец иллюзиям царя относительно своих ближних слуг. Теперь царь видел в них простые орудия своей воли, назначение которых — «верная» служба, беспрекословное выполнение царских приказаний. Такой характер отношений был ясен и для самих приближенных царя. В своем ответе Грязной так и писал: «А величество, государь, што не памятовать? Не твоя б государская милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки Бог и мала и велика чинишь».

Некоторые из думных дворян были казнены в последние годы опричнины, но опалы и казни продолжались и позже. В самой посылке Василия Грязного на разведку в степь исследователи с полным основанием видят признак приближавшейся немилости. Примером такой явной немилости стала карьера двоюродного брата Грязного Василия Ошанина. Начав службу вместе с братом в опричном дворе, он также сумел завоевать доверие царя, и ему было поручено везти из Новгорода в Москву арестованного архиепископа Пимена. Аресты и казни последних лет опричнины его не коснулись. После взятия Пайде Ошанин был оставлен в этой крепости воеводой, но затем царь приказал его арестовать, и на этом известия о нем обрываются.

Ощущение общей нестабильности, неожиданных перемен и колебаний возникает при анализе высказываний и действий царя в эти годы. Царь, несомненно, не был удовлетворен тем положением, которое сложилось в стране после отмены опричнины. Опричнину он был вынужден отменить, но возвращение к прежним порядкам его также не удовлетворяло.

Отмена опричнины вовсе не означала, что царь стал теперь больше доверять своим подданным и что вопрос об обеспечении его безопасности утратил для него актуальность. На отношение царя к подданным проливает яркий свет ряд пассажей из наставлений сыновьям в тексте царского завещания, написанного, как мы помним, совсем незадолго до отмены опричнины. Так, в наставлениях младшему сыну Федору царь предполагал, что может сложиться такая ситуация, когда его наследник, старший сын Иван, «государства не достигнет», и предписывал младшему сыну, чтобы тот со своим старшим братом «вместе был за один, и с его бы еси изменники и с лиходеи некоторыми делы не ссылался». Федор не должен соблазняться и заманчивыми обещаниями, даже если его «учнут прельщать славою и богатством и честию или учнут тебе которых городов поступать». Таким образом, царю представлялось вполне вероятным, что после его смерти подданные могут поднять мятеж, чтобы не допустить его старшего сына на трон, и станут натравливать его сыновей друг на друга. Царь предполагал и худший вариант, при котором оба его сына будут изгнаны из страны. Не случайно он настойчиво предписы-

вал сыновьям всегда поминать в молитвах своих родителей «не токмо, что в царствующем граде Москве, но аще и в гонении и во изгнании будете».

Показательно и то, что поиски убежища в Англии с отменой опричнины вовсе не прекратились. Правда, в 1572 году царь сам прервал переговоры на эту тему, заявив английскому послу Энтони Дженкинсону, что «тому делу время поминалося». Однако в 1574 году он снова вернулся к этому вопросу, дав понять английскому гонцу Даниелю Сильвестру, что, помимо грамоты Елизаветы, гарантировавшей ему почетное пребывание в Англии, он хотел бы получить такую же грамоту за подписями ее советников.

Летом 1575 года произошли события, подтолкнувшие царя к решению принять особые меры для обеспечения своей безопасности. Эти события не получили отражения в каких-либо нарративных источниках (за исключением сочинения Горсея), и исследователям лишь с большим трудом, изучая «Синодик опальных» и сопоставляя его с другими источниками, удалось установить, что же тогда случилось на самом деле. Выяснилось, что в августе 1575 года был казнен не только «фаворит» царя князь Борис Тулупов. Вместе с ним казнили боярина Василия Ивановича Умного Колычева, одного из главных советников царя после отмены опричнины, думного дворянина Михаила Тимофеевича Плещеева, двоюродных братьев фаворита — князей Андрея и Никиту Тулуповых и ряд других дворян. На свадьбе царя с Анной Васильчиковой все эти люди занимали видное место (кто сидел на скамье возле молодых, кто ходил с платьем, кто мылся в мыльне вместе с царем) — иначе говоря, все они принадлежали к близкому окружению монарха.

По сведениям Горсея, князь Борис Тулупов был «уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью». Очевидно, такое же обвинение было предъявлено и другим казненным. Располагая лишь этим свидетельством Горсея и именами казненных, крайне трудно установить, сколько правды было в этих обвинениях. Ясно, однако, что сам царь, как и во многих других случаях, считал эти обвинения истинными. Оказалось, что «измена» снова свила себе гнездо в близком окружении монарха, и это, несомненно, заставило его не медлить более с осуществлением новых мер, которые укрепили бы его власть и обеспечили его безопасность.